

Футуристическое подражание Горацию

© 2021, Манфред Шруба

Миланский государственный университет, Италия

Аннотация: Статья представляет собой анализ коллективного стихотворения А.Е. Крученых и В.В. Хлебникова «Памятник», опубликованного в футуристической брошюре «Слово как таковое» (1913). Данное стихотворение принадлежит к достаточно распространенному и значимому в русской поэзии «жанру» подражаний оде Горация «Eхegi monumentum aere perennius...» (Carmina III, 30). Стихи Крученых и Хлебникова содержат, с одной стороны, пародийные отсылки к известным стихотворениям-«Памятникам» А.С. Пушкина и Г.Р. Державина. Одновременно, футуристический «Памятник» представляет собой вполне серьезное продолжение традиции подражаний Горацию, отражая самоуверенное убеждение авторов о своем поэтическом бессмертии и об избежании забвения посредством собственного творчества.

Ключевые слова: А.Е. Крученых; В.В. Хлебников; А.С. Пушкин; Г.Р. Державин; поэтологическая поэзия.

Информация об авторе: Манфред Шруба — доктор филологических наук, профессор, Миланский государственный университет, Отдел наук по лингвистической медиации и межкультурным исследованиям. Piazza Indro Montanelli 1, 20099 Sesto San Giovanni (MI), Италия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9174-2998> E-mail: manfred.schruba@unimi.it.

Для цитирования: Шруба М. Футуристическое подражание Горацию // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 297–311.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-297-311>

Предмет анализа — коллективное стихотворение «Памятник» (1913), написанное совместно В. Хлебниковым и А.Е. Крученых (нам уже приходилось писать об этом произведении: [29]). Стихи впервые опубликованы в брошюре «Слово как таковое» [9, с. 14], вышедшей из печати в октябре 1913 г. [23, с. 90]. Произведение не было включено в пятитомное ленинградское «Собрание произведений» Хлебникова 1928–1933 гг.; оно впервые републиковано

в третьем томе мюнхенского собрания его сочинений 1972 г. [20, с. 379]¹. Текст стихотворения приведен также в Приложении к нашему словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов» [23, с. 321]. Ниже он приводится по данному изданию, с сохранением своеобразной орфографии оригинала:

ПАМЯТНИКЪ

уткнувши голову в лохань
я думал: кто умрет прекраснѣй?
не надо мнѣ цвѣточных бань
и потолокъ зари чуть гаснушей

про всѣх забудет человѣчество
придя в будетлянскія страны
лишь мнѣ за мое молодечество
поставят памятник странный:

не будет видно головы
ни выраженія предсмертнаго блаженства
ни даже рук — увы! —
а лишь на полушаріях колѣнца...

По вопросу об авторстве стихотворения редактор мюнхенского издания В.Ф. Марков отмечает: «По всей вероятности, это коллективное стихотворение, но, по свидетельству Р.О. Якобсона, средняя строфа хлебниковская» [20, с. 400]. Источник высказывания Якобсона не указан.

Кем бы ни были написаны отдельные строфы, совокупность текста представляет собою единое связное целое, обладающее четкой композицией. К тому же стихотворение содержит ряд элементов, создающих связь между отдельными строфами: словесные повторы (мне / мне, лишь / лишь, голову / головы), семантические сношения (умрет / предсмертнаго) и звуковые переключки (забудет / будет-лянские / не будет). Об обдуманной композиции текста в целом свидетельствует также распределение форм грамматического времени,

¹ Отметим, что стихотворение не вошло и в собрание сочинений Хлебникова 2000–2006 гг. В издание вошел литературный манифест Крученых и Хлебникова «О художественных произведениях», составляющий основную часть брошюры «Слово как таковое» [21, т. 6, кн. 1, с. 332–335], но почему-то опущены последние две страницы брошюры, имеющие непосредственное отношение к манифесту — в том числе, стихотворение «Памятник», которым завершается брошюра.

подразумевающее определенное временное развитие: стихи 1–2 — прошлое, стихи 3–4 — настоящее, стихи 5–12 — будущее (будущему отведено в два раза больше места, чем прошлому и настоящему вместе взятым, как и подобает футуристическому произведению). Таким образом, разделить вклад соавторов на отдельные текстовые части невозможно.

Можно бы возразить, что средняя («хлебниковская») строфа отличается от первой и третьей по метрическим признакам (размером и клаузулой / рифмой). Метрическая структура стихотворения, действительно, нетривиальна и достойна более подробного анализа. Первая строфа: Я 4 м, Я 4 ж, Я 4 м, Я 4 д. Вторая строфа: Я 4 д, Ам 3 ж, Ам 3 д, До 3 ж. Третья строфа: Я 4 м, Я 6 ж, Я 3 м, Я 5 ж. В трехчленной формуле каждого из стихов заглавная буква обозначает размер (Я = ямб, Ам = амфибрахий, До = дольник); цифра указывает число стоп (например, Я 4 = четырехстопный ямб, Ам 3 = трехстопный амфибрахий); строчной буквой обозначен тип клаузулы (м = мужская, ж = женская, д = дактилическая).

Данное полиметрическое стихотворение тяготеет к ямбу. Выделяется вторая строфа с двумя амфибрахическими стихами (6–7) и с тоническим стихом (8). Однако для вопроса о когерентности текста в целом значимо, что, с одной стороны, первый стих второй строфы подхватывает ямбический размер первой строфы, а, с другой стороны, дактилическая клаузула в последнем стихе первой строфы предвосхищает явление тех же метрических признаков в двух стихах второй строфы. Таким образом, средняя строфа не воспринимается как метрически инородное тело, поскольку имеющиеся отклонения связаны с остальным текстом.

О чем стихи? В первой строфе начертана своеобразно-вычурная картина: лирический герой уткнул голову в лохань. Сосуд, по-видимому, наполнен водой, поскольку герой размышляет о самоубийстве. Мысль направлена на красивую смерть («кто умрет прекрасней») вследствие самопотопления в лохани, противопоставленную таким «романтическим» суицидальным атрибутам, как изобилие цветов («цветочных бань») или закат солнца («зари чуть гаснущей»). Во второй строфе лирический герой представляет себе, что за описанное выше «молодечество» — за самоубийство головой вниз в лохани — ему будет поставлен памятник. В заключительной строфе следует описание желанного памятника, сначала *ex negativo*, с указанием, чего не будет видно — ни головы, ни выражения лица, ни рук; описание собственно памятника содержит последняя строка: из превратившегося в полушария сосуда видны всего лишь «коленца».

Концептуальное ядро стихотворения заключается в противопоставлении смерти (как бренности) и бессмертия (как продолжения жизни в человеческой памяти). В соответствии с этим концептом композиция стихотворения сводится к следующей формуле: за представлением собственной смерти в первой строфе следует ожидание бессмертия во второй строфе; в третьей строфе намечен образ памятника, являющийся одновременно символом бессмертия и отображением (обстоятельств) смерти.

Как толковать образ памятника? Как представляется, Крученых и Хлебников сознательно продолжают своим стихотворением отечественную державинско-пушкинскую традицию подражаний оде Горация «*Exegi monumentum aere perennius...*» (*Carmina* III, 30), активируя основанный данной одой «топос увековечения» («*Verewigungstopos*») [26, с. 469–470], приобретенной собственными сочинениями бессмертной славы поэта. Следует выяснить, какую функцию имеет это — у подчеркнуто антитрадиционалистически настроенных кубофутуристов достаточно парадоксальное — обращение к литературной традиции.

Самое место первой публикации позволяет предполагать, что произведение наделено поэтологическим смыслом. Брошюра объемом в 14 страниц под общим заглавием «Слово как таковое» выключает два текста: декларативную статью-манифест «О художественных произведениях» [9, с. 3–14] и стихотворение «Памятник», напечатанное сразу же после статьи [9, с. 14]. Статья принадлежит к наиболее интересным и теоретически содержательным кубофутуристским манифестам, так как в ней мало «пощечин» и полемики, зато на основании многочисленных примеров объясняются важнейшие поэтические приемы членов группы Гилея².

Предположение о поэтологическом подтексте «Памятника» Крученых и Хлебникова как своеобразного продолжения горацианского мотива увековечения поэта подкрепляется, в первую очередь, наличием ряда «сигналов референции» («*Referenzsignale*») [27, с. 317], связывающих оду Горация с ее парафразами и подражаниями. В первую очередь таким сигналом является сам образ памятника

² В имеющихся антологиях литературных манифестов регулярно печатается лишь статья «О художественных произведениях» (с некорректным заглавием всей брошюры «Слово как таковое»), причем без окончания (вплоть до слов «прочитав — разорви!») и без стихотворения «Памятник». Эту традицию открыли сборники материалов 1924 и 1929 гг. под редакцией Н.Л. Бродского и Н.П. Сидорова [15, с. 106–108; 12, с. 80–82], ее продолжил сборник футуристических манифестов, составленный В.Ф. Марковым, опиравшимся на антологии 1920-х гг. [13], равно как и новейшее издание сочинений Хлебникова [21, т. 6, кн. 1, с. 332–335].

в связи с автопанегириком и с выражением убеждения в собственном бессмертии в памяти человечества.

Ввиду значимости горацианской оды III, 30 для русской культуры [25, с. 271] следует исключить возможность случайного совпадения мотивов: «Ни в одной литературе Горацийев “Памятник” не сыграл такой роли, как в русской» [17, с. 136]; многочисленные подражания этой оде на других языках, аргументирует Л. Пумпянский, не произвели ничего, что по своей значимости было бы сопоставимо с державинским «Памятником» («Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...»; 1796), не говоря о пушкинском «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836). И действительно, стихотворение Пушкина принадлежит к числу наиболее значительных — а заодно и «наиболее прокомментированных» («*meistkommentierten*») [27, с. 318] — его произведений [1; 25, с. 160–164].

О популярности горацианской оды в России свидетельствуют также многочисленные переводы, начиная с переложения М.В. Ломоносова (1748); в книге М.П. Алексеева воспроизведено 15 текстов [1, с. 244–271]. Отдельную группу образуют стихотворения, не связанные непосредственно с содержанием оды Горация, но разрабатывающие ее центральную тему — бессмертие поэта в собственных произведениях. К ним принадлежит, например, «Мой дар убог, и голос мой не громок...» Е.А. Баратынского (1828). В.Я. Брюсов создал, наряду с двумя переводами оды, еще и вольное подражание «Памятник» («Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен...»; 1912). В данной связи следует назвать также «Памятник» В.Ф. Ходасевича («Во мне конец, во мне начало...»; 1928) [10, с. 166–167]. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Пушкина стоит именно в этом ряду. Р. Лахман определяет отношение пушкинского стихотворения к Горацию как «*imitatio* второй степени» («*imitatio zweiter Stufe*»), в отличие от парафраза Ломоносова и от подражания Державина [27, с. 312].

«Памятник» Крученых и Хлебникова вписывается, очевидно, в традицию подражаний Горацию «второй степени», абстрагированных от унаследованного содержания и подхватывающих лишь концепт горацианской оды. Возникает вопрос об отношении футуристического «Памятника» к данной традиции.

Анализируемое стихотворение упоминается мимоходом в статье Д. Кшицовой: «Сборник *Слово как таковое* закончен явной пародией А. Крученых на известное стихотворение Пушкина *Я памятник себе воздвиг*» [11, с. 46]. Являются ли эти стихи действительно пародией на пушкинский «Памятник»?

Пародирование основано, как известно, на «комическом утрировании и конденсировании особенностей литературной модели» («comical exaggeration and condensation of the features of the literary model») [28, с. 1271]. Рассмотрим лексические, стилистические, содержательные и идейные точки соприкосновения двух стихотворений в плане создания комических эффектов.

Отметим соответствия. В словах «*уткнувши голову в лохань*» можно усмотреть перелицовку пушкинской формулировки «*Вознесся выше он главою непокорной*»; в стихе «*я думал: кто умрет прекраснѣй?*» слышен отзвук пушкинских слов «*Нет, весь я не умру*»; стих «*про всѣх забудет челоѵчество*» имеет свой пандан в каталоге народов у Пушкина: «*И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой / Тунгуз, и друг степей калмык*»; пушкинский «*памятник [...] нерукотворный*» превращен в футуристический «*памятник странный*»; качество «*нерукотворный*» отражено в отсутствии рук («*ни даже рук — увы!*») у футуристического памятника.

К указанным совпадениям присоединяются структурные аналогии (тяготение к глагольным формам будущего) и тематические соответствия: это, во-первых, мотив автопанегирика («*про всѣх забудет челоѵчество / [...] / лишь мнѣ [...] / поставят памятник*»), особенно ярко выраженный у Пушкина («*И славен буду я [...] / Слух обо мне пройдет*»); во-вторых, формула обоснования похвалы самому себе: «*за мое молодечество*», подхватывающая такие формулировки Пушкина, как: «*буду тем любезен [...] / Что чувства [...] пробуждал, / Что [...] восславил я*».

Правда, для вопроса о том, насколько футуристический «Памятник» является пародией на Пушкина, тематические аналогии не значимы: тема традиционна, основные мотивы заранее заданы; соответствующие выражения («*non omnis moriar*», «*monumentum*»), равно как похвала самому себе и ее обоснование, встречаются еще у Горация. Релевантными для установления адресата пародии могут быть лишь однозначные намеки на конкретные формулировки и специфические стилистические приемы пушкинского стихотворения.

Показателен сопоставительный взгляд на «Памятник» Державина. Параллели к стихотворению Крученых и Хлебникова можно указать и здесь. Как и в случае пушкинского «*Я памятник себе воздвиг...*», часть соответствий возникает в силу традиционной тематики; они не значимы как индивидуальное соотношение с конкретным текстом. Некоторые совпадения, однако, поддаются толкованию как сознательные намеки на стихи Державина. Вторая строфа стихотворения:

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
 От тлена убежав, по смерти станет жить,
 И слава возрастет моя, не увядая,
 Доколь славянов род вселенна будет чтить —

содержит, с одной стороны, привычные мотивы бессмертия («весь я не умру») и автопанегирика («И слава возрастет моя»); с другой стороны, примечательно в данном контексте слово «вселенна» в последнем стихе, потому что оно открывает универсальную, космическую перспективу, которая лучше соответствует выражениям «человѣчество» и «будетлянскія страны» футуристического «Памятника», чем пандан в стихах Пушкина «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой». К тому же «вселенна» («вселенная») это типично хлебниковское понятие; в словаре неологизмов Хлебникова отмечено не меньше чем 17 слов, образованных с его помощью [16, с. 126–127].

Рассмотрим также пятую и последнюю строфу державинского стихотворения:

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
 И презрит кто тебя, сама тех презирай;
 Непринужденною рукой неторопливой
 Чело твое зарей бессмертия венчай.

Слово «заря» встречается и в футуристическом «Памятнике» — в стихе «и потолокъ зари чуть гаснущей». Стилистические и семантические параллели позволяют предполагать, что и здесь налицо сознательная реминисценция. Стилистическое сходство имеется в использовании генитивной метафоры: у Державина — «заря бессмертия», у Крученых / Хлебникова — «потолок [гаснущей] зари».

Более сложен случай семантических соответствий. Державинский образ непроблематичен: метафорика света (восход солнца) придает понятию «бессмертие» смысл новой жизни после смерти. В футуристическом стихотворении, напротив, понимание текста усложнено применением грамматической катахрезы³ «потолке».

³ Крученых санкционирует подобные аномалии как футуристические приемы в своей декларативной статье «Новые пути слова», опубликованной в сентябре 1913 г. в сборнике «Трое»: «Неправильности в построении речи возможны: 1) неправильность – неожиданность – грамматическая: а) несовпадение падежей, чисел, времен и родов подлежащего и сказуемого определения и определяемого: пробежал озеро белый летучие; б) опущение подлежащего или др. частей предложения, опущение местоимений предлогов и пр.» [23, с. 313–314]. Подобные приемы встречаются и в поэтической практике Хлебникова [24, с. 290].

Слово использовано в предложном падеже, обычно употребляемом вместе с предлогами (в данном случае ожидалось бы «* на потолке»). Дополнение стихотворного текста тем или иным предлогом, однако, не генерирует никакого согласованного смысла, в отличие от замены предложного падежа другим падежом. Синтаксическая конструкция предыдущего стиха подсказывает употребление родительного падежа: «* не надо мне [...] бань / и потолка». Весь комплекс логически зависит от центрального высказывания в предыдущем стихе («кто умрет прекраснѣй?»): перечисляются и отклоняются два контрпроекта оформления «прекрасной смерти». В этой перспективе выражение «потолок [гаснущей] зари» представляет собой амплифицированный вариант конвенционального уподобления старости / смерти — вечеру / ночи жизни. Семантическое соответствие стихотворению Державина имеется в сочетании понятийных пар «[вечерняя] заря / смерть» и «[утренняя] заря / бессмертие».

Итак, претекстами футуристического «Памятника» служили, как представляется, стихотворные «Памятники» как Пушкина, так и Державина. Является ли отношение этого стихотворения к обоим предтечам действительно комически-пародийным?

На это указывает, в первую очередь, образный язык задающей тон первой строфы. Начальные слова «уткнувши голову в лохань» обрисовывают не только причудливо-дикий ситуацию; они содержат также движение кувырком вниз, противопоставленное гордому движению вверх пушкинского «Вознесся выше он главою непокорной». Инвертирование направления движения знаменует смену стилистического уровня от серьезно-возвышенного к комически-низкому⁴.

Несерьезный, шутовской характер имеет также сам памятник как изображенный в стихах предмет. Видны всего «лишь на полушаріях колѣнца». Обычно изображаемая голова увековеченного лица отсутствует («не будет видно головы») и заменена коленами. Начертанное

⁴ Интересная параллель пародийного типа к набору образов первой строфы имеется в эпическом зачине известной былинной перелицовки «Агафонушка» из собрания Кириши Данилова: «Высока ли высота *потолочная*, / Глубока глубота подпольная, / А и широко раздолье — перед печью шесток, / Чистое поле — по подлавьечью, / А и синее море — в *лохани* вода» [7, с. 141]. Курсивом выделены лексические совпадения — достаточно редкое слово *лохань* в связи с понятием *потолок*. Имеется ли здесь непосредственная связь со стихотворением Крученых / Хлебникова, сказать трудно. Все-таки, «Агафонушка» это, пожалуй, самая известная пародийная былина. Предложение о наличии фольклористических элементов в футуристическом «Памятнике» не является чем-то изначально несуразным — значение фольклора, по крайней мере, для поэтики Хлебникова хорошо известно [2; 3].

в первой строфе направление движения кувыркком находит в третьей строфе свое продолжение и опредмечение.

Существенно в этой связи не только само движение, обращающее верхнее в нижнее и наоборот, но и характер изображенного на памятнике предмета. Колена, нижние (а заодно низменные) части тела принадлежат к области «материально-телесного низа» [4, с. 395–466], являясь элементом гротескно-комической концепции «мира наизнанку». К по-бахтински «карнавальному» кругу представлений принадлежит, впрочем, также мотив «веселой смерти» [4, с. 437–439], встречающийся в формулировке «предсмертного блаженства». При анализе смыслового содержания образа памятника-объекта («лишь на полушариях колѣнца») следует также учесть фразеологизм *откалывать колѣнца*, обозначающий «Совершать, делать что-либо несуразное, необычное» [18, с. 302–303].

Итак, пародийный слой в футуристическом «Памятнике», несомненно, имеется. Однако ввиду того, что референтными текстами являются различные стихотворения (пушкинский, державинский, а косвенно и горацианский «Памятник»), следовало бы в данном случае, пожалуй, говорить не столько о *индивидуальной*, сколько о *жанровой* пародии [14, с. 106], т.е. о травестии «жанра» «стихотворений-памятников».

Следует вместе с тем констатировать, что смысл рассматриваемого стихотворения не ограничивается пародийной целью. Подтрунивание над литературной традицией «Памятников» сопровождается самоуверенным продолжением этой же традиции. Как известно, футуристы отнюдь не страдали комплексом неполноценности. Утверждение собственной гениальности принадлежало к стандартному репертуару как эгофутуристов (ср. в зачине стихотворения «Эпилог» И. Северянина 1912 г.: «Я, гений Игорь-Северянин [...]» [23, с. 269]), так и кубофутуристов. В брошюре «Слово как таковое» Крученых цитирует свое скандально знаменитое стихотворение «дыр бул щыл», сопровождая его заметкой: «(кстати в этом пятистишии больше русского національного чѣм во всей поэзии Пушкина)» [9, с. 9; 23, с. 319].

Спустя две-три недели после публикации футуристического «Памятника», 3 и 11 ноября 1913 г., Давид Бурлюк выступал в Петербурге и в Москве с докладом «Пушкин и Хлебников», где уже самым соположением оба поэта поставлены на один уровень [8, с. 139–141]. Для большинства современников это была возмутительная дерзость; широкая публика считала всех футуристов повально балагурами, если не впрямь душевнобольными. Знаменателен

фрагмент воспоминаний Р.О. Якобсона: «когда Бурлюк объявил доклад [...] “Пушкин и Хлебников”, у меня тогда был жестокий спор с моим отцом, который говорил: “Какое безобразие!”, а я говорил: “Совершенно не безобразие”» [5, с. 47]. Хлебников писал в автобиографической заметке 1914 г. без следа ложной скромности: «В 1913 был назван великим гением современности, какое звание храню и по сие время» [19, с. 353]; подразумевается листовка (не сборник) «Пощечина общественному вкусу», вышедшая из печати в феврале 1913 г. [23, с. 87], в которой Хлебников представлен как «гений — великий поэт современности» [19, с. 466].

Убеждение о чрезвычайной значительности собственного творчества это необходимая предпосылка для создания стихотворения-«Памятника»; у Хлебникова и Крученых это убеждение, безусловно, имелось. Но и не прибегая к рассуждениям из области «психологии искусства», можно утверждать, что в рассматриваемом стихотворении наряду с пародийным пластом имеются также элементы для серьезной, непародийной трактовки темы избегания забвения посредством собственного творчества.

Для подобного прочтения значим, в первую очередь, пассаж с единственным неологизмом стихотворения: «про всѣх забудет человечество / придя в бюджетлянскія страны». Формулировка подразумевает, что человечество раньше или позже объявится в «бюджетлянских странах». Эта цель предначертана в творчестве Хлебникова. Со словом «бюджетлянский» (или «бюджетлянин») связаны центральные представления его «мифотворчества» [6, с. 63–64]. Значение концепта «бюджетлянский» пересекается лишь отчасти с понятием «футуристический». Бюджетляне это, собственно, «творцы будущего»; они — «изобретатели», в отличие от «приобретателей» [6, с. 208].

В выражении «бюджетлянскія страны» отражается характерное для Хлебникова смешение временных и пространственных категорий; ср., например, стихотворение «Если я обращаю человечество в часы...» (1922) [21, т. 2, с. 363–364]; таково и звание «Король времени Велимир I-й», которое Хлебников присвоил себе в манифесте «Труба Марсиан» (1916) [21, т. 6, кн. 1, с. 250]. Узурпация королевства времени сродни также идее утопического «Общества председателей земного шара», задуманного Хлебниковым в конце 1915 г. [23, с. 154–156], хотя идею «предземшаров» содержит *in lise* принятое Хлебниковым еще в 1909 г. литературное имя Велимир [22]. Как представляется, мотив земного шара подхватывается в стихотворении Крученых и Хлебникова в иллюстрации футури-

стического памятника: «на *полушаріях* колѣнца». Полушария это не в последнюю очередь также гемисферы — половины земного шара.

В изображении памятника-предмета отчетливо вырисовывается двойственный характер футуристического подражания Горацию: если «колѣнца» представляют комически-пародийный элемент стихотворения, то «полушарія» приносят значимый для Хлебникова мифопоэтический образ.

Литература

1. *Алексеев М.П.* Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Проблемы его изучения. Л.: Наука, 1979. 270 с.
2. *Баран Х.* Фольклорные и этнографические источники поэтики Хлебникова // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс, 1993. С. 113–151.
3. *Баран Х.* Еще раз о фольклорных жанрах и поэтике Хлебникова // Баран Х. О Хлебникове: контексты, источники, мифы. М.: РГГУ, 2002. С. 233–248.
4. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2). Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 752 с.
5. Велимир Хлебников в размышлениях и воспоминаниях современников (по фонодокументам В.Д. Дувакина 1960–1970 годов) // Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 1. М., 1996. С. 44–66.
6. *Григорьев В.П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 256 с.
7. Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / изд. подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 487 с.
8. *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. СПб.: Новое литературное обозрение, 1996. 319 с.
9. *Крученых А.Е., Хлебников В.* Слово как таковое. [М.: ЕУЫ, 1913]. 14 с.
10. *Кукин М.Ю.* Зримое и незримое в поэтическом мире: Последнее стихотворение Ходасевича // Начало: Сборник работ молодых ученых. М.: Наследие, 1993. Вып. 2. С. 157–180.
11. *Кишицова Д. [Kšicová D.]* Пушкинские традиции и анти традиции в поэмах Велемира Хлебникова // *Zagadnienia Rodzajów Literackich*. Т. 25. Zeszyt 1 (48). 1982. S. 43–57.
12. Литературные манифесты. От символизма к Октябрю: Сборник материалов / подгот. к печати: Н.Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н.П. Сидоров. М.: Федерация, 1929. 301 с.
13. Манифесты и программы русских футуристов = Die Manifeste und Programmschriften der russischen Futuristen / Mit einem Vorwort herausgegeben von V. Markov. München: Fink, 1967. 182 S.
14. *Морозов А.* Литературная роль пародии // Русская литературная пародия / сост. Б. Бегак, Н. Кравцов, А. Морозов. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. С. 104–114.

15. От символизма до «Октября» / сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. М.: Новая Москва, 1924. 303 с.
16. *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien [u. a.]: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1995. 557 с.
17. *Пумпянский Л.В.* Об оде А. Пушкина «Памятник» // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 135–151.
18. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
19. *Хлебников В.* Неизданные произведения. М.: Художественная литература, 1940. 492 с.
20. *Хлебников В.* Собрание сочинений: в 3 т. München: Fink, 1972. Т. 3. 539 с.
21. *Хлебников В.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2006.
22. *Шишкин А.* «Велимир»: Об имени Хлебникова // Europa Orientalis. 1996. Т. 15. № 2. С. 119–142.
23. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.
24. *Якобсон Р.* Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
25. *Busch W.* Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München: Eidos Verlag, 1964. 270 S.
26. *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 2., durchgesehene Auflage. Bern: Francke, 1954. 608 S.
27. *Lachmann R.* Intertextualität als Gedächtnishandlung: Puškins Horaz-Transposition // Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1990. S. 303–353.
28. *Markiewicz H.* On the definitions of literary parody // To honour Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70th birthday. Den Haag; Paris: Mouton, 1967. P. 1264–1272.
29. *Schruba M.* Ein futuristisches *Exegi monumentum* // Textbeschreibungen, Systembeobachtungen: Neue Studien zur russischen Literatur des 20. Jahrhunderts / Hrsg. D. Kretzschmar, Ch. Veldhues. Dortmund, 1997. S. 215–227

A Futurist Emulation of Horace

© 2021, Manfred Schruba

Università degli Studi di Milano, Italy

Abstract: The article presents an analysis of Alexey Kruchenykh's and Velimir Khlebnikov's collective poem *Pamiatnik (The Monument)*, published in the futurist brochure *Slovo kak takovoe* ("The Word as Such"; 1913). The poem belongs to the "genre" of emulations of Horace's "Exegi monumentum aere perennius..." (Carmina III, 30), quite widespread and important in Russian poetry. Kruchenykh's and Khlebnikov's poem contains, on the one hand, parodistic references to the well-known "monument" poems of Alexander Pushkin and Gavriil Derzhavin. At the same time, the futurist *Monument* represents an entirely serious continuation of the tradition of the Horace emulations, reflecting the authors' self-confident conviction of their poetic immortality and of the avoidance of the oblivion by means of the proper creative work.

Keywords: A.E. Kruchenykh; V.V. Khlebnikov; A.S. Pushkin; G.R. Derzhavin; poetological poetry.

Information about the author: Manfred Schruba, Prof. Dr. phil. habil., Professore Associato di Slavistica, Università degli Studi di Milano, Dipartimento di Scienze della Mediazione Linguistica e di Studi Interculturali, Piazza Indro Montanelli 1, 20099 Sesto San Giovanni (MI), Italia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9174-2998>. E-mail: manfred.schruba@unimi.it.

For citation: Schruba, M. "A Futurist Emulation of Horace." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 297–311.

References

1. Alekseev, M.P. *Stikhotvorenie Pushkina «Ia pamiatnik sebe vozdvig...»*. *Problemy ego izucheniiia [Pushkin's Poem "A Monument I've Raised...". Research Problems]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 270 p. (In Russ.)
2. Baran, Kh. "Fol'klornye i etnograficheskie istochniki poetiki Khlebnikova" ["Folkloristic and Ethnographic Sources of Khlebnikov's Poetics"], Baran, Kh. *Poetika russkoi literatury nachala XX veka [Poetics of Russian Literature of the Beginning of the 20th Century]*. Moscow, Progress Publ., 1993, pp. 113–151. (In Russ.)
3. Baran, Kh. "Eshche raz o fol'klornykh zhanrakh i poetike Khlebnikova" ["Once Again on Folkloristic Genres and on Khlebnikov's Poetics"], Baran, Kh. *Khlebnikove: konteksty, istochniki, mify [On Khlebnikov: Contexts, Sources, Myths]*. Moscow, RGGU Publ., 2002, pp. 233–248. (In Russ.)
4. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 t. [Collected Works: in 7 vols.]*, vol. 4 (2): *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa [Rabelais and His World]*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2010. 752 p. (In Russ.)
5. "Velimir Khlebnikov v razmyshleniiakh i vospominaniiakh sovremennikov (po fonodokumentam V.D. Duvakina 1960–1970 godov)" ["Velimir Khlebnikov in Reflections

and Memories of His Contemporaries (According to V.D. Duvakin's Phonographic Records from the 1960ies–1970ies)"]. *Vestnik Obshchestva Velimira Khlebnikova* [*The Messenger of the Velimir Khlebnikov Society*], no. 1, Moscow, 1996, pp. 44–66. (In Russ.)

6. Grigor'ev, V.P. *Slovotvorchestvo i smezhnye problemy iazyka poeta* [*Word Creation and Adjoining Problems of the Poet's Language*]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 256 p. (In Russ.)

7. *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym* [*Ancient Russian Poems, Collected by Kirsha Danilov*], ed. by A.P. Evgen'eva and B.N. Putilov. Moscow, Nauka Publ., 1977. 487 p. (In Russ.)

8. Krusanov, A.V. *Russkii avangard: 1907–1932 (Istoricheskii obzor): V 3 t.* [*Russian Avantgarde: 1907–1932 (Historical Overview): in 3 vols.*], vol. 1: Boevoe desiatiletie [Militant decade]. St. Petersburg, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 319 p. (In Russ.)

9. Kruchenykh, A.E., Khlebnikov, V. *Slovo kak takovoe* [*The Word as Such*]. [Moscow, EUY Publ., 1913]. 14 p. (In Russ.)

10. Kukin, M.Iu. “Zrimoe i nezrimoe v poeticheskom mire: Poslednee stikhotvorenie Khodasevicha” [“The Visible and the Non-Visible in the Poetic World: Khodasevich's Last Poem”]. *Nachalo: Sbornik rabot molodykh uchenykh. Vyp. 2* [*The Beginning: Collection of Works of Young Scholars. No. 2*]. Moscow, Nasledie Publ., 1993. pp. 157–180. (In Russ.)

11. Kšicová, D. “Pushkinskie traditsii i antitraditsii v poemakh Velemira Khlebnikova” [“Pushkinian Traditions and Anti-Traditions in Velimir Khlebnikov's Poems”]. *Zagadnienia Rodzajów Literackich*, vol. 25, issue 1 (48), 1982, pp. 43–57. (In Russ.)

12. *Literaturnye manifesty. Ot simvolizma k Oktiabriu: Sbornik materialov* [*Literary Manifests. From Symbolism to the Group Oktiabr': Collection of Materials*], ed. by N.L. Brodskii, V. L'vov-Rogachevskii, N.P. Sidorov. Moscow, Federatsiia Publ., 1929. 301 p. (In Russ.)

13. *Manifesty i programmy russkikh futuristov* [*The Manifests and Programms of the Russian Futurists*] = *Die Manifeste und Programmschriften der russischen Futuristen*, Mit einem Vorwort herausgegeben von V. Markov. München, Fink, 1967. 182 p. (In Russ.)

14. Morozov, A. “Literaturnaia rol' parodii” [“The Literary Purpose of the Parody”]. *Russkaia literaturnaia parodiia* [*Russian Literary Parody*], comp. by B. Begak, N. Kravtsov, A. Morozov. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930, pp. 104–114. (In Russ.)

15. *Ot simvolizma do “Oktiabria”* [*From Symbolism to the Group “Oktiabr'”*], comp. by N.L. Brodskii and N.P. Sidorov. Moscow, Novaia Moskva Publ., 1924. 303 p. (In Russ.)

16. Pertsova, N. *Slovar' neologizmov Velimira Khlebnikova* [*Dictionary of the Neologisms of Velimir Khlebnikov*]. Wien [et al.], Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1995. 557 p. (In Russ.)

17. Pumpianskii, L.V. “Ob ode A. Pushkina *Pamiatnik*” [“On Pushkin's Ode *Monument*”]. *Voprosy literatury*, no. 8. 1977, pp. 135–151. (In Russ.)

18. *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [*Phraseological Dictionary of the Russian Language*], comp. by L.A. Voinova [et al.], ed. by A.I. Molotkov. 4th ed. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1986. 543 p. (In Russ.)

19. Khlebnikov, V. *Neizdannye proizvedeniia* [*Unpublished Works*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1940. 492 p. (In Russ.)

20. Khlebnikov, V. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [*Collected Works: in 3 vols.*], vol. 3. München, Fink, 1972. 539 p. (In Russ.)

21. Khlebnikov, V. *Sobranie sochinenii: v 6 t. [Collected Works: in 6 vols.]*. Moscow, IMLI RAN, 2000–2006. (In Russ.)
22. Shishkin, A. “‘Velimir’: Ob imeni Khlebnikova” [“‘Velimir’: On Khlebnikov’s Name”]. *Europa Orientalis*, vol. 15, no. 2, 1996, pp. 119–142. (In Russ.)
23. Schrub, M. *Literaturnye ob’edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar’ [Literary Associations in Moscow and Petersburg 1890–1917: Dictionary]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p.
24. Iakobson, R. *Raboty po poetike [Works on Poetics]*, ex. ed. M.L. Gasparov. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p. (In Russ.)
25. Busch, W. *Horaz in Rußland: Studien und Materialien*. München, Eidos Verlag, 1964. 270 p. (In Germ.)
26. Curtius, E. R. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. 2., durchgesehene Auflage. Bern, Francke, 1954. 608 p. (In Germ.)
27. Lachmann, R. “Intertextualität als Gedächtnishandlung: Puškins Horaz-Transposition” [“Intertextuality as Act of Memory”]. Lachmann, Renate. *Gedächtnis und Literatur: Intertextualität in der russischen Moderne [Memory and Literature. Intertextuality in the Russian Modern Age]*. Frankfurt/Main, Suhrkamp, 1990. S. 303–353. (In Germ.)
28. Markiewicz, H. “On the definitions of literary parody”. *To honour Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70th birthday*. Den Haag; Paris, Mouton, 1967, pp. 1264–1272. (In Russ.)
29. Schrub, M. “Ein futuristisches Exegi monumentum” [“A Futuristic Exegi monumentum”]. *Textbeschreibungen, Systemebeobachtungen: Neue Studien zur russischen Literatur des 20. Jahrhunderts [Text Descriptions, System Observations: New Studies on 20th Century Russian Literature]*, Herausgegeben von D. Kretzschmar, Ch. Veldhues. Dortmund, Projekt Verlag, 1997, pp. 215–227. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию: 19.01.2021
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 19.01.2021
Date of publication: 25.03.2021